

По логике вещей, Чжан Айлин не любила, когда её беспокоят, поэтому Сы Сянь перед отъездом снова написала ей письмо с просьбой о встрече, но ответа не получила. Она могла лишь ждать вместе с Цзы Цзюньнин, как охотник, ожидающий у дупла. Вскоре перед кафе, где они сидели, появилась женщина с бумажным пакетом, будто только что вернувшаяся с покупок. Сы Сянь с трудом узнала в ней Чжан Айлин, но она сильно отличалась от прежних образов — очень постаревшая и истощённая, лишь глаза по-прежнему горели ярким светом. Сы Сянь взглянула на Цзы Цзюньнин, которая уже заметила Чжан Айлин и, казалось, была взволнована, крепко сжимая руку Сы Сянь, наблюдая, как та с трудом идёт к своему дому.

— Может, нам стоит...

Цзы Цзюньнин потянула за руку Сы Сянь, в её глазах блеснули слёзы. В этот момент Чжан Айлин уже исчезла за дверью своего дома. Она уже вернулась домой, поэтому, видимо, никто не ответил на стук. Сы Сянь подумала, что сейчас самое время попытаться увидеть её.

— Давай вернёмся.

— Вернёмся? — Сы Сянь открыла рот, чувствуя, что Чжан Айлин, возможно, колеблется. Если немного настаивать, она может согласиться встретиться с ними, приехавшими издалека.

— Да, — ответила Цзы Цзюньнин, не объясняя причин. — Давай вернёмся.

— Но...

— Это будет слишком бестактно.

— Нет, — Сы Сянь сжала руку Цзы Цзюньнин крепче. Она всегда добивалась своих целей, и сейчас её целью было устроить встречу между Сяо Нин и Чжан Айлин. Если не увидеть её сейчас, то потом уже не будет возможности, и Сы Сянь не хотела, чтобы Сяо Нин оставила в себе сожаление.

— Давай вернёмся, — опустила голову Цзы Цзюньнин. — Прости, что заставила тебя столько мучиться.

Сы Сянь не смогла удержаться и обняла её. Разве не для этого она всё делала — чтобы Сяо Нин была счастлива? Сы Сянь погладила её по затылку.

— Ладно, не будем встречаться, поедем домой.

В середине сентября пришла новость о смерти Чжан Айлин, хотя это произошло в больнице, и она не осталась одна. Цзы Цзюньнин узнала об этом, сидя за столом и делая домашнее задание. Сы Сянь повернулась к ней и увидела, что она уже опустила голову. Сы Сянь передала ей письмо, которое Чжан Айлин написала ей раньше.

Луна тридцатилетней давности уже зашла, и люди того времени умерли, но история тридцатилетней давности ещё не закончена — и никогда не закончится.

Луна Праздника середины осени наконец осветила эту знаменитую на весь мир удивительную женщину.

Возвращение в школу пришлось на первый семестр третьего года старшей школы, и долгожданная математическая олимпиада вот-вот должна была начаться с первого и второго этапов. Сы Сянь не была уверена, что попадёт в зимний лагерь для подготовки к олимпиаде, но

хотела сопровождать Цзы Цзюньнин в учёбе. Или, под предлогом подготовки к олимпиаде, чтобы дольше побыть с Сяо Нин. Например, этим летом они всё время проводили вместе, а позже, когда отец и мать Цзы уехали в Пекин по делам, Сы Сянь оставила Цзы Цзюньнин жить у себя. Лето было жарким, и в то время кондиционеры ещё не были распространены. Старый вентилятор крутился и качался, а Цзы Цзюньнин, уставшая, заснула, положив голову на стол. Проснулась она уже в кровати — Сы Сянь перенесла её туда, положив голову на свою руку, а другой рукой обмахивала её веером из пальмовых листьев.

Чёлка Цзы Цзюньнин была мокрой от пота, и Сы Сянь отодвинула её волосы:

— Ещё жарко?

Тело Сы Сянь было прохладным, как ледяной нефрит, и летом к нему было приятно прикасаться. Цзы Цзюньнин особенно любила держать её за руку, которая тоже была прохладной.

— Рядом с тобой мне не так жарко.

— У тебя такая конституция, что ты весь год как печка.

— Да, зимой все любят прижиматься ко мне, — ответила Цзы Цзюньнин, уже не такая сонная, и прижалась к шее Сы Сянь, как котёнок, ищущий ласки. — Сы Сянь, тебе жарко?

— Вроде нет, но когда ты прижимаешься, мне становится немного жарко, — сказала Сы Сянь, обнимая её. — Когда закончишь домашнее задание, я отведу тебя поплавать.

— Сы Сянь?

— Да?

— Мне кажется, у тебя нет местного акцента, — сказала Цзы Цзюньнин. — И иногда в твоей речи слышится пекинский говор.

Пекинский говор, или «цзинпяньцзы», — это речь пекинцев. В то время безработных в Пекине называли «цзинхуацзы», пекинский говор — «цзинчир», пекинский район — «цзинмэньцзы», а пекинских чиновников — «цзинляоцзы».

Сы Сянь улыбнулась. Это всё оттого, что она столько времени проводила с ней. Она щипнула Цзы Цзюньнин за щёку. Раньше Цзы Цзюньнин любила говорить «вы»: «Пожалуйста», «Вы поели?», «До свидания». В начале знакомства Сы Сянь это казалось немного странным, так как в её родном языке не было привычки использовать «вы», и даже в диалекте это слово не произносилось. Позже она поняла, что это просто привычка пекинцев. Возможно, в начале она чувствовала некоторую «застенчивую враждебность» к Сяо Нин, поэтому всё воспринимала на свой счёт.

— Не знаю, может, это из-за того, что я немного учила скороговорки.

— Скороговорки?

Сы Сянь замолчала на мгновение, а затем начала:

— Есть пареная баранина, пареная медвежья лапа, пареный оленин хвост, жареная утка, жареный цыплёнок, жареный гусь, тушёная свинина, тушёная утка, курица в соусе, вяленое

мясо, маринованные кишки, колбаса, ассорти из супа, копчёная курица, варёная свинина, пареная свинина с восемью сокровищами, утка, фаршированная рисом, тушёная дикая курица, тушёный перепел...

Глаза Цзы Цзюньнин загорелись:

— Сы Сянь, ты умеешь читать речитатив!

— Да, — ответила Сы Сянь, продолжая обмахивать её веером. — Раньше, когда я была голодна, после этого мне становилось легче.

Цзы Цзюньнин прижалась к Сы Сянь и подняла голову, чтобы посмотреть на неё.

— Сы Сянь, какой ты была раньше?

— Раньше?

— Многие говорят, что ты изменилась, поэтому мне интересно, какой ты была? — спросила Цзы Цзюньнин.

Раньше она, вероятно, была вежливо отстранённой с каждым. Живя на чужбине, она выросла раньше сверстников. В школе она усердно училась, пока другие наслаждались школьной жизнью, она часто думала о том, что нужно сделать в следующем месяце, и даже в любви она учитывала ценность и развитие. Сначала она просто хотела выбраться из бедности, но потом её постоянно преследовало чувство, что она недостаточно хороша. Ей часто казалось, что за её спиной зияет бездна.

— Сы Сянь?

— Раньше тебя не было, а теперь ты есть, конечно, всё изменилось, — сказала Сы Сянь, глядя на юное лицо Цзы Цзюньнин. Семнадцать лет — их семнадцать лет.

Цзы Цзюньнин замолчала на мгновение.

— Мой отец говорит, что ты порядочная и сможешь добиться больших успехов. Я тоже думаю, что ты станешь великим человеком. А я, наверное, как мои родители, стану учителем...

— Тогда и я стану учителем, — сказала Сы Сянь. — Куда бы ты ни пошла преподавать, я пойду с тобой.

Цзы Цзюньнин удивилась, а затем засмеялась:

— Глупости.

— Ты думаешь, я не похожа на учителя, ученица Цзы? — Сы Сянь пощекотала её под мышками.

— Не надо, ха-ха... — Цзы Цзюньнин заёрзала в её объятиях, её глаза стали влажными. — Так учителя себя не ведут, учитель.

Их дыхание смешалось, и Сы Сянь вдруг остановилась. Она смотрела на губы Цзы Цзюньнин, на её слегка приподнятую верхнюю губу. Её горло пересохло, она почувствовала жажду и сглотнула. Щёки Цзы Цзюньнин порозовели, она лежала на Сы Сянь.

«Что делать? Кажется, я не могу сдержаться?»

— Сы Сянь... — голос Цзы Цзюньнин был тихим, как мурлыканье котёнка, щекочущее сердце.

Сы Сянь бросила веер и мягко обняла Цзы Цзюньнин, пытаясь успокоить своё бешено колотящееся сердце:

— В общем, куда бы ты ни пошла, я пойду с тобой.

— Но ты должна совершить что-то великое, — сказала Цзы Цзюньнин, положив голову на плечо Сы Сянь.

— Учить людей — это тоже великое дело.

— Сы Сянь, не надо меня так обманывать, — сказала Цзы Цзюньнин. — Теперь, когда со мной что-то происходит, я сразу хочу рассказать тебе. Даже если на меня несётся грузовик, я думаю: «Ничего, Сы Сянь успеет оттолкнуть меня». Но... если тебя вдруг не станет, что я буду делать? Меня задавит грузовик.

— Глупышка, о чём ты только думаешь, — Сы Сянь снова крепко обняла её. Потеря прошлой жизни была слишком ясной.

— Не знаю... Раньше я о таком не думала... — Всё из-за тебя, ты так хороша, что я чувствую себя ничтожеством.

<http://bllate.org/book/16743/1561659>